

Вышние суды 1723 и 1736 гг. в истории правосудия Российской империи

В статье рассматривается становление и юрисдикция Высших судов Российской империи 1720 – 1730-х гг., эволюция понимания их места в системе правосудия в государственно-правовой мысли и судебной практике этого периода. Основной акцент при этом делается на анализ правового статуса и деятельности Вышнего суда по «делу» князя Д.М. Голицына.

The article examines the formation and jurisdiction of the highest courts of the Russian Empire in the 1720s and 1730s, and the evolution of understanding of their place in the justice system in the state-legal thought and judicial practice of this period. The main focus is on the analysis of the legal status and activities of the High court in the «case» of D.M. Golitsyn.

Ключевые слова: комиссия, правосудие, законность, «пункты», «форма суда».

Key words: commission, justice, rule of law, «paragraphs», «form of the court».

При определении правового статуса Вышних судов 1720 – 1730-х гг. в отечественной науке XIX в. сложилась концепция, по которой они были обычными для эпохи комиссиями, малозначительными уже по признаку закрытия с исполнением – на правах так называемых подчиненных учреждений – всегда единичных властных поручений. Никем по сути не обоснованная, эта концепция никем и не оспаривалась вплоть до рубежа XX – XXI вв., когда началось изучение петровских комиссий как особого института коллежской системы. В ходе его и был впервые печатно установлен (автором настоящей статьи) факт, что известный по «Истории» С.М. Соловьева [17, с. 444–451] Вышний суд (далее: ВС) 1723 г. на самом деле относился к высшему звену государственного аппарата и за несколько отпущенных ему лет приобрел черты его постоянно действующего элемента.

Так, открытый 9 января после «ссоры» в Сенате его члена бар. П.П. Шафиров с обер-прокурором Г.Г. Скорняковым-Писаревым (опротестовавшим его неподобающее поведение в присутствии и «иные дела противные»), он не был ликвидирован по осуждению к лишению чинов, титула, имени и жизни сенатора и вице-канцлера (помилованного на эшафоте). Заседания составлявших его 5 – 10 «сенаторов, генералитета, штап и обор афицеров от гвардии» продолжились слушаниями, хотя и нерегулярными, других «дел» по шедшим здесь следствиям. Иногда они имели политический подтекст (об обер-фискале А.Я. Нестерове, камергере В. Монсе, наказном гетмане П.Л. Полуботке), но в большинстве касались рядовых должностных злоупотреблений и хищений казны, которые изначально оформлялись в собственной канцелярии, а затем и частично готовились в приданных ВС Московской и Петербургской конторах. По их поводу и, реже, по поводу жалоб на нижестоящие суды ВС как иерархически равный переписывался с Сенатом и Синодом «ведениями», а в «коллегии и канцелярии» посылал «указы», после смерти императора ограничив свою деятельность взысканием ранее наложенных штрафов [2, с. 19–22; 3, с. 187–190].

К тем же выводам о положении, устройстве и функционировании ВС пришли М.О. Акишин и Д.О. Серов, которые стремились также вписать его в систему судебной реформы Петра I. М.О. Акишин, в частности, доказывал, что создание ВС в 1723 г. было вызвано необходимостью «судебного присутствия, не уступающего Сенату по статусу», для «рассмотрения крупных дел о должностных преступлениях» [1, с. 21].

Д.О. Серов, детально анализируя фрагментарно уцелевшую после Московского пожара 1737 г. документацию и выявив 29 приговоров, вынесенных ВС на момент упразднения 14 марта 1726 г., интерпретировал его как «специализированный суд, призванный рассматривать дела... в преступлениях против интересов службы». И заключил, что скорый конец высшего органа, долженствующего увенчать реформирование «Петром I юстиции», был предопределен нерешительностью императора, который отказался закрепить исключительно за ним «ревизионно-решающие полномочия» относительно остальных [16, с. 316–331; 12, с. 66–70].

Не вступая в критику суждений Д.О. Серова, подчеркнем, что, сетуя на нереализованную – т. е. якобы существовавшую – альтернативу превращения ВС 1723 г. в прямого предшественника Верховного суда Российской Федерации, он не уделял внимания его гораздо более близким по всем параметрам последователям, не будучи в этом одинок, так как очень многие привыкли видеть между реформами Петра I и Екатерины II некий глухой

провал, в течение которого могли происходить одни контрреформы и прочая порча великого наследия.

Разумеется, даже глубоко консервативное по своей сути историческое сознание способно изменяться, заставляя пересматривать и отдельные стереотипы живописания 1730-х гг. как мрачнейшего десятилетия. В том числе и прославленный низвержением признанного вождя аристократической оппозиции кн. Д.М. Голицына ВС 1736 г., который Д.А. Корсаков еще в 1879 г. монографически описал с точки зрения типичной для политических процессов XVIII в. расправы самодержавия с выдающимися людьми под надуманными предлогами, в данном случае – замешанности в сомнительный имущественный спор [8].

Комментарий А.Н. Филиппова о начале «ведения обстоятельных журналов Сената» ровно вследствие его акта от 1 января 1737 г. [6, ч. 1, с. 2], который выводил «неправильное» решение сенаторами «дела вдовы княгини Настасьи Кантемировой с пасынками ее» – прежде всего из пренебрежения записью в журнал «самого нужнейшего» секретарского представления «по Уложенному пункту, чтоб без суда никого не винить» [11, т. X, № 7143], – резонанса в научной среде не получил. Но после открытия Н.Н. Петрухинцевым взаимосвязи между ВС 1736 г., который 29 ноября официально учреждался, чтобы «то дело рассмотреть вновь» [11, т. IX, № 7113], и неудачными попытками общей оптимизации судопроизводства (посредством как не вышедшего за рамки проекта указа, так и активизации трудов над новым Уложением) [10, с. 943–944] произошедшую на переломе аннинского правления акцию нельзя и далее оценивать как судебный фарс в прикрытии «наслаждения добрать» до протагониста «кондиций» 1730 г.

Для ее кардинальной переоценки приведенных наблюдений, конечно, недостаточно. Да и при комплексном обращении к архивному и печатному наследию ВС 1736 г. их сперва удалось дополнить лишь наблюдениями о стимулированной им кампании за рост качества секретарского корпуса и канцелярского делопроизводства. И еще о личностном потенциале правительственных кругов и персональных ролях (начиная с самой носительницы верховной власти) их представителей в осуществлении своей инициативы, которую до получения желаемых результатов тщательно скрывали от «общественности» [4, с. 36–48]. Предпринимаемая ныне попытка характеристики обеих ВС в русле развития судебной системы – еще один шаг в названном направлении путем переосмысления давно воссозданных и заново обнаруженных эпизодов, определяющих содержание и значение позднейшего из них. Источниковой базой исследования стали, соответственно,

материалы ВС 1736 г., которые ныне хранятся в РГАДА [14, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 189, ч. 1–3]. Ввиду как объема этого комплекса (в почти 1,5 тыс. л.), так и его подробного анализа в статье «Суд над князем Д.М. Голицыным» [4], ссылки на его листы – за вычетом впервые упомянутых здесь фактов – опущены.

Порученное ВС 1736 г. «кантемирово дело» имело своим предметом длившуюся с 1724 г. борьбу вдовы бывшего молдавского господаря (она же дочь фельдмаршала кн. И.Ю. Трубецкого и будущая принцесса Гессен-Гомбургская) за доступ к причитающимся ей 250 дворам, а потом за компенсацию в его отсрочке. Главным же противником ее был Д.М. Голицын, сенатор и тесть ставшего в итоге единственным наследником имения отца гвардии поручика князя Константина – в 1720-е гг. непосредственно, а с 1735 г. через поселенного у себя поверенного зятя, секретаря Камер-конторы Л.Л. Перова. Но в период 15 слушаний с мая по октябрь 1736 г. в Сенате конфликт, по-видимому, стал обрастать придворными слухами о «советованиях» старого князя с высокопоставленными лицами и чуть ли не семейном распоряжении преображенцами, провожавшими Л.Л. Перова в Юстиц-коллегию, откуда «дело» попало в Сенат за «ссорой» И.Ю. Трубецкого с ее президентом. Надлежаще поданные, они, полагаем, укрепляли Анну Иоанновну не столько в жажде, по Д.А. Корсакову, «отложенной мести» заклятому врагу, сколько в страхах складывания вокруг него нового заговора. Так или иначе, в ближайшем окружении императрицы созрела решимость дать ход челобитной К.Д. Кантемира на благоприятный для мачехи сенатский приговор, предусмотрительно высочайше не утвержденный. Причем разбирательство по ней было вверено образованной около 26 ноября комиссии под ведением адмирала гр. Н.Ф. Головина.

Графа в силу этого назначения и подсказки в свое время правительству Петра II идеи обвинить кн. А.Д. Меншикова в изменнических контактах со Швецией можно по крайней мере с той же вероятностью считать погубителем Д.М. Голицына, с какой сам А.Д. Меншиков считается погубителем П.П. Шафирова в 1723 г. Для мотивации же замены комиссии Н.Ф. Головина ВС под председательством е.и.в., куда ловкий царедворец вошел вместе с обер-шталмейстером кн. А.Б. Куракиным, обер-егермейстером А.П. Волынским, гофмаршалом Д.А. Шепелевым и генерал-полицмейстером В.Ф. Салтыковым, нет и столь зыбких оснований. Впрочем, и в именном указе от 9 января, который единогласно трактуется как учредительный для ВС 1723 г., отчетливо выражена лишь мысль, что «розыскивать» о «спорах» П.П. Шафирова с обер-прокурором предстоит вне Сената, где стороны объ-

явили «противных им» [15, т. 11, с. 502–503]. Выводы, зачем он (ВС) понадобился Петру (вплоть до или даже для проведения линии к преобразованию в высшую судебную инстанцию с лишением этой компетенции почти не пользовавшегося ей Сената [12, с. 67]) новейшие ученые делают, исходя из собственного понимания его реформы, молчаливо признавая, таким образом, преследование законодателем при институционализации пресечения сенатских «непорядков» – никак не подпадающих под категорию крупных преступлений – иной, гласно не заявленной цели. С учетом этого едва ли можно и его преемников упрекать в том, что политическая подоплека безусловно «партикулярного» «кантемирова дела», которая вызвала выделение из него затем «дела Д.М. Голицына», не была декларирована при создании ВС 1736 г. И обнаружилась уже на стадии окружения его беспрецедентной секретностью и допросов привлеченных в порядке, принятом в расследованиях государственных и серьезнейших уголовных преступлений.

Параллели между ВС 1723 и 1736 гг. очевидны также в их «наряженности» над сенаторами и спонтанности появления, ни в каких «бумагах» не предполагаемого, при том существенном различии, что воплощение в ВС 1723 г. воли Петра несомненно, а его немногие советники в административно-судебном строительстве в целом достоверно установлены. Применительно же к послепетровскому времени приходится говорить о практически безымянном «авторском коллективе», руководителем которого в новейших работах принято называть кабинет-министра гр. А.И. Остермана. Ему приписывается, например, приоритет в формулировании внутривластной программы 1730 г., неотъемлемой частью которой выступало гарантирование подданным справедливого суда и продолжения не оконченного в 1720-е гг. «сочинения» нового Уложения [9, с. 69–71]. Неизменное подтверждение монаршего попечения о правосудии в текущем законодательстве, почти всегда проходившем через возглавляемый им кабинет е.и.в., и довольно строгое следование вышесцитированному принципу «без суда никого не винить» логично сопрягается с намерением обязательно в суде, а не в возникшей было под эгидой кабинета комиссии, доказать подозрение в «преступлении указов» неугодного сановника в звании сенатора. Тем более, что казусу 1736 г. целиком отвечал именной указ от 20 января 1724 г. с упоминанием так и не появившейся до сих пор «особливой палате... для случающихся дел чрезвычайных... как Шафирово» [11, т. VII, № 4427].

А.И. Остерман не только не был в числе его судей, но и был вычеркнут из составленного ими списка членов завершившего «дело Д.М. Голицына» собрания вместе с обладателями других громких немецких (и не слишком

громких русских) фамилий по причинам, которые, скорее всего, не выяснятся никогда. Но зафиксированные в журнале ВС 1736 г. 13 продолжавших его дежурные заседания совещаний «у е.и.в.» – без перечня участников – позволяли ему влиять на течение ВС с другими почему-либо не попавшими туда доверенными лицами (а на заключительном этапе, может быть, и такими особо уважаемыми Анной Иоанновной подсудимыми сенаторами, как А.И. Ушаков и возвращенный из ссылки еще Екатериной I П.П. Шафиров).

В свою очередь, это позволило воспринимать происходящее там (и особенно вышедшие оттуда документы вкупе с распоряжениями Сенату) как выражение взглядов и настроений, разделяемых всей правительствующей элитой (за вычетом разве ее московской составляющей). Но прежде их изложения нужно отметить, что поставленные перед ВС 1736 г. официальные и неофициальные задачи были в основном разрешены в первые же три недели его существования.

Обеспеченная беседой с кабинет-секретарем А.Я. Яковлевым «повинная» Л.Л. Перова данными о принуждении его Д.М. Голицыным манипулировать законодательными нестыковками, чтобы «неправость ответчиков закрыть», превзошла все ожидания. Затребованные же из Сената «справки» по «кантемирову делу», озвучивая эти нестыковки и соображения по их преодолению с наименьшими «по совести» потерями, по которым так и не было достигнуто согласия, помогли секретарю Юстиц-коллегии П. Севергину быстро выработать иную (сравнительно с сенатской) версию вознаграждения «обиды» княгине, 16 декабря подтвержденную (за что оба искушенных в вотчинных коллизиях юристы вскоре были зачислены в канцелярию Сената).

Допросы Д.М. Голицына и других причастных к «делу» лиц ошеломили «верхи» общей готовностью «коллегских членов» служить частным интересам друг друга, не стесняясь переводом найденного сыном князя в Москве камерира Камер-коллегии, компетентного как нужного тому повеленного, и награждением его затем секретарским чином, но в то же время убедили в безопасности для режима бывшего верховника. Обусловленная возрастом и болезнями самоизоляция Д.М. Голицына от внешнего мира, связь с которым свелась для него к мелкому интригованию ради материальных выгод, отчасти объясняет его невозможное для политика вызывающее поведение в ВС 1736 г. В противоположность его же поведению в период ВС 1723 г., благодаря которому приговор ему как пособнику П.П. Шафирова не был исполнен. В противоположность же ВС 1723 г. Д.М. Голицын с его бесспорно наказуемыми «по государственным правам» высказываниями стал единственной жертвой ВС 1736 г., который наложил пропорционально

более легкие кары только на его сына и племянника. Право собственно суда над ним самим 28 декабря 1736 г. было у ВС изъято [14, ч. 2, л. 351–351 об.] с передачей отдельному присутствию, куда его члены назначались на равных правах с «сенаторами, генералитетом, флагманами, коллежскими президентами и членами». Их собрание в Сенате 8 января 1737 г., тогда же наименованное генеральным, и подписало смертный приговор, предсказуемо высочайше замененный ссылкой, через несколько месяцев после которого князь скончался в Шлиссельбурге.

После личного выговора Анны Иоанновны сенаторам 31 декабря ВС был занят выбором взысканий другим «приличившимся», по оглашении которых 25 января 1737 г. будучи устным повелением императрицы распущен со сдачей архива в кабинет (всего однажды – 22 декабря 1736 г. – воспользовавшись «правительствующими» прерогативами учреждения, стоящего выше Сената, когда поднял и стал обсуждать вопрос, «каким наилучшим образом указ о форме суда пополнить, дабы впредь не могли происходить от ябедников неправды и душевредства») [14, ч. 2, л. 346].

Трехчасовая дискуссия по выраженным в именном указе от 5 ноября 1723 г. нормам подготовки и ведения разбирательств в гражданских судах [11, т. VII, № 4344] продолжилась, правда лишь суммированием ее невнятных тезисов в проекте, который вместе с принятым у Л.Л. Перова «объявлением» на ту же тему без движения осел в сенатских «Письмах, полученных из ВС» [13, кн. 1116, л. 528–652]. Но в контексте отношения аннинской элиты к петровской законности важно не столько ее интеллектуальное бессилие в совершенствовании процессуального права, сколько видение в его основополагающем акте залога торжества справедливости. Зависела же эта справедливость, по ее мнению, не от интересующей исследователей степени соотношения в судопроизводстве частно-правового и инквизиционного процессов или иных новаций, а от точного соблюдения правил излагать суть искомого «пунктами» без пересечения их друг с другом, отвечать по ним поочередно, не говоря «постороннего», и приводить для решения по каждому из них «приличный» же «пункт» действующего законодательства.

Убежденность во всесии «пунктов», объединенных в соответствующую области регулирования «форму», с начала 1730-х гг. просматривается в указах относительно армии и финансового аппарата [11, т. VIII, № 5474, 5900, 6061, 6063; т. IX, № 6486, 6842, 6855]. Но тем нагляднее возвращение к внедрению этой установки в судебной сфере, откуда она и начала свое распространение. Уже 28 декабря 1736 г. Сенат подтверждает «форму суда»

конкретно в части подачи челобитных «пунктами, не смешивая одно с другим», сопровождая это подтверждение поучением о проистекающих из ее нарушений «немалых конфузях и затруднениях», о которых «ныне известно» [11, т. IX, № 7139]. А именным указом, объявленный из ВС Кабинету 1 января 1737 г., еще конкретнее порицает Юстиц-коллегию за допущение сторон «кантемирова дела» – в противность запрету «формой суда» «лишнего и ненадобного в суд принимать и записывать» – «говорить лишнее и делу неприличное» [11, т. X, № 7143].

Переходя потом к рассуждениям, что неправость постановлений из-за слушания «в один час» разных «дел», а также волокита челобитчикам и умножение апелляций от ошибок в протоколах может и должна быть исправлена удвоением присутственных часов против теперешних – согласно Адмиралтейскому регламенту, и письмоводством – согласно регламенту Генеральному, наибольшее же место посвящается ответственности секретарей и за вышеперечисленное, и за предотвращение превратного толкования указов – как в том же Генеральном регламенте «изображено».

Сквозь призму испытанных в XIX – XX вв. разочарований в сосредоточении «всех дел в руках» секретарей [11, т. X, № 7440] и мерах по ужесточению трудовой и делопроизводственной дисциплины трудно найти хотя бы что-то позитивное в выдвинутой ВС 1736 г. программе. Но нельзя отрицать, что она, во-первых, отражает понимание «хранения прав гражданских и правосудия», которое в публичном заклеимении Д.М. Голицына признавалось – вслед за именным указом Сенату от 17 апреля 1722 г. – нужнейшим «к правлению государства» [Ср.: 11, т. X, № 7151; 7, с. 107] как исполнение совокупности бюрократических правил. И, во-вторых, целиком опирается в этом на петровские законы, предпочитая либо избегать их обновлений вообще, либо представлять их как заданные «хранением» таковых.

В этой связи показательно, что кабинет оставил без ответа сенатский запрос от 17 января 1737 г., «поступать ли против» новаторски примененного ВС 1736 г. исчисления штрафов «за насильное владение» «во всех судебных делах», а сам Сенат 26 июля 1737 г. высказался по его предложению о штрафах за «неправды» судей и челобитчиков в пользу указа о том же от 28 января 1715 г. [6, ч. 1, с. 35; ч. 2, с. 38]. Не менее любопытно, что упомянутый указ говорит и о челобитных на «суд неправый» ландратов или бурмистров губернаторам, а губернаторов – «в вышней суд, при Сенате» [11, т. V, № 2879], чем отодвигает соотнесенную со шведским идеалом судебную реформу с ее пресловутой инстанционностью на еще более ранние сравнительно с обсуждаемыми учеными хронологические рубежи. А Манифест от

23 апреля 1730 г., применяя выстроенную Петром иерархию областных судов, Юстиц-коллегии и Сената к ситуации по возложению в 1727 г. «суда и расправы... на губернаторов и воевод», уверенно предписывает жаловаться на воевод губернаторам, на губернаторов в Юстиц-коллегию, «о прочих делах в коллегии, в которых в чем надлежит, а на коллежские неправые решения» – в Сенат [11, т. VIII, № 5547], ничуть не колеблясь насчет его положения как конечного для российских челобитчиков суда и никаких шведских протографов далее не почитая.

16 же апреля 1738 г. Манифест 1730 г. подтверждается отдельно со ссылкой на очередную незаконную подачу челобитной «самой е.и.в.» [11, т. X, № 7599], но вполне вероятно и в предупреждение толков, не стоит ли по-прежнему «над» Сенатом ВС 1736 г. Тем паче, что о сохранении за Сенатом роли арбитра в оспаривании приговоров центральных «коллегий или канцелярий и контор» вскользь упоминалось в том самом сенатском журнале от 3 января 1737 г., где речь шла о «сообщении» кабинетом указа от 1 января 1737 г. [6, ч. 1, с. 6]. И о том же подробно прописывалось в протоколе от 8 февраля 1738 г. по запросу Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, ведавшей сохраненными в прибалтийских провинциях судами периода шведского владения, о сроках переноса «дел» из нижестоящих в вышестоящие.

Сроки, разъясняли сенаторы, были, когда в их «судных делах главнейшим был суд всего шведского государства, в котором король сам и государственные министры присутствие имели». Но никаких сроков «не положено» «по генеральным о правосудии российском указам», по которым «из Лифляндского и Эстляндского княжеств главных судов дела переносятся в Юстиц-коллегию» [лифляндских и эстляндских дел]. А она, «как и протчие государственные коллегии, переносом и судом состоит под главнейшим ведомством и судом Правительствующего Сената» [13, кн. 2113, л. 87–88 об.].

Само по себе яркое до афористичности это разъяснение к тому же раскрывает, чему подражал Петр при организации ВС 1723 г. и за ним Анна Иоанновна с ее сенаторами, которые «усматривали» в пересказываемом ими «Шведском ревизионном уставе 1681 г.» не королевскую судебную ревизию в качестве структурного подразделения Государственного совета [16, с. 171], а начальствование монарха коллегией своих «министров». Но примечательнее всего, что как раз в ВС 1736 г. российское правительство, на «указном» уровне апеллируя исключительно к петровской догме как незыблемому фундаменту сегодняшнего благополучия, на «безуказном» нашло таки в нем образец для собственного творчества.

Вспомним, как у ВС было отнято подписание «сентенции» по итогам самого масштабного из проведенных им следствий, черновой вариант которой он в январе 1737 г. только составлял вроде любой «подчиненной» комиссии. А участь сенаторов императрица вообще решила заочно, сочтя их прегрешения в разборе раздоров в семье Кантемир по мелочности не нуждавшимися даже в таком черновике. Другое дело Д.М. Голицын, обвиненный в первую очередь в презрении должности сенатора как «указов... и прав государственных хранителя», о чем «во всенародное известие» провозглашалось 9 января 1737 г. Для квалификации «прочих важных вин и преступлений» в 13 «пунктах» и явилось вдруг на сцене вместо узкой коллегии должностных лиц во главе с монархиней (как должностным лицом высшего ранга?) представительство достойнейших из генералитета и статских служащих, чье мнение закономерно предается ей же (как государыне «всякого чина и достоинства людей»).

Явилось, лишь числом уступая Верховному суду «министров, сенаторов, военных и гражданских чинов», который в 1718 г. вручил Петру ссылающийся на «права всероссийские» вердикт по «делу» царевича Алексея Петровича [19, с. 530]. С подготовкой его в Канцелярии тайных розыскных дел (она же Комиссия П.А. Толстого «с товарищи»), но выведением как политического на публичный процесс и выборочным изданием материалов следствия и суда [5, с. 15] – аналогично внесению в указ о Д.М. Голицыне выдержек из его допросов.

Переориентация в течение последней декады 1736 г. с ВС 1723 г. на Верховный суд 1718 г. разрешила парадокс, присущий первому из них и в действительности, и в историографии. Предназначенный вроде бы для противодействия «тяжким преступлениям знатных особ» в присутствии самого Петра и именно такими словами увековеченный В.Н. Татищевым [18, с. 227], он на практике вел расследования, соразмерные другим современным ему комиссиям. ВС же 1736 г. однозначно ответил, что собой представляет и чему служит «главнейший» суд империи. В дальнейшем к чрезвычайным делам стали относить удаление с политической сцены подлинно враждебных верховной власти XVIII в. или просто оказавшихся лишними фигур, «тяжесть преступлений» которых удостоверяет следственная комиссия, организационно устоявшаяся еще в 20-е гг. А наказание по собранным ею доказательствам санкционирует авторитетная выборка общепризнанно лучших людей эпохи. Поскольку же способ разрешения подобных проблем повсеместно актуален и многое определяет в каждом

государстве и обществе, опыт внутренней эволюции ВС 1736 г. является, убеждены, знаменательным вкладом в историю петровской государственности вообще и отечественного правосудия в частности.

Список литературы

1. Акишин М.О. Судебная реформа Петра I: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 22 с.
2. Бабич М.В. Вышний суд как высшее учреждение петровской эпохи // Петр Великий и его время: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 290-летию Полтавской победы. – СПб., 1999. – С. 19–22.
3. Бабич М.В. Суд на Генеральном дворе // Государственность России: слов.-справ. – М.: Наука, 2001. Кн. 4. Р – Я. – С. 187–190.
4. Бабич М.В. Суд над князем Д.М. Голицыным: 280 лет спустя // Петровское время в лицах – 2017. С. 36–48 (Труды Государственного Эрмитажа, т. 90).
5. Ефимов С.В. Политический процесс по делу царевича Алексея Петровича: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1997. – 18 с.
6. Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. / подг. А.Н. Филиппов. – М., 1910.
7. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / сост. Н.А. Воскресенский. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1945. – Т. 1. – 602 с.
8. Корсаков Д.А. Суд над князем Д.М. Голицыным (1736 – 1737) // Древняя и Новая Россия. – 1879. – Ч. 15. – С. 20–62.
9. Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1891. – С. 219–282.
10. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730 – 1735 г. – СПб.: Алетейя, 2001. – 349 с.
11. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730 – 1740): моногр. – М.: РОССПЭН, 2014. – 1062 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. V, VII, VIII, IX, X.
13. Реформы в России с древнейших времен до конца XIX в. Т. 2: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А.Б. Каменский. – М.: РОССПЭН, 2016. – Т. 2. – 429 с.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. Сенат.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 6. Уголовные дела по государственным преступлениям, оп. 1, ед. хр. 189, ч. 1–3.
16. Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1873. – Т. 11 (Высочайшие указы и повеления

Петра I Правительствующему Сенату / Из архива Правительствующего Сената, извлечено А.Ф. Бычковым).

17. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. – М.: Зерцало-М, 2009. – 487 с.

18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 9. – М.: Мысль, 1993. – Т. 17–18. – 671 с.

19. Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения / под ред. С.Н. Валка. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 464 с.

20. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. – СПб.: Тип. П Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1859. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. 1859. 628, XVI с.

Статья поступила 19.02.2020 г.